

УДК 821.161.1-31.09

АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ

*(Полтава)***ОБРАЗ АЛЛЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ
ИВАНА БУНИНА***Ключові слова: художній образ, автор, розповідач, художній простір.*

Эпоха XIX столетия дала миру великолепные образцы культуры, в том числе дворянские усадьбы, которые стали отличительной особенностью духовной жизни прошлого века. В них формировались выдающиеся деятели русского и украинского искусства (Н. Гоголь, М. Лермонтов, Л. Толстой, И. Бунин, Марко Вовчок, Александр Блок и др.). Однако сегодня о былом величии дворянских усадеб, взрастивших цвет культуры XIX века, напоминают лишь руины, остатки садов и парков. Период уничтожения, запустения и безразличия сменился в конце XX столетия интересом к усадебной культуре, которая включает в себя бытовой уклад, систему хозяйствования, взаимоотношений, морально-ценностные устои.

Усадебная культура как фактор духовной жизни стала объектом научного изучения в работах Ю. Лотмана [8], Е. Дмитриева [4], Т. Каждан, Л. Ершовой [5], М. Нащокиной [12], О. Купцовой [4], А. Разиной [12], О. Поповой, П. Рузвельт [15] и других ученых. Внимание литературоведов преимущественно сосредоточено на вопросах влияния дворянской усадьбы на творчество писателей. Усадьбе как концептуальному образу раннего творчества Ивана Бунина посвящена диссертация В. Зайцевой «Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И.А. Бунина 1890-х – начала 1910-х годов» (Елец, 1999) [6]. Мир русской усадьбы в произведениях И. Бунина 1920–1950-х годов с акцентом на итоговом автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» рассматривается в исследованиях Е. Сафонова [13], А. Разиной, Т. Лебедевой. Вместе с тем отражение специфики усадебной культуры в образности И. Бунина еще не получило глубокого и всестороннего изучения. В этой связи предметом данной статьи является один из ведущих в творчестве И. Бунина образов – образ аллеи, который входит в художественную парадигму концепта «усадьба», но имеет при этом особую семантическую и сюжетно-композиционную наполненность и заслуживает отдельного рассмотрения.

Образ аллеи как символ дворянского гнезда приобрел лирическую окраску в творчестве великих мастеров русской классики. Во многих произведениях литературы он воплощает красоту природы, очерчивает пространственный континуум развития сюжета либо становится «свидетелем» любовных и дружеских коллизий в жизни хозяев усадеб. Под Полтавой от знаменитой усадьбы Кочубеев сохранилась дубовая аллея, о которой А. Пушкин упомянул в поэме «Полтава». Дубовая аллея у А. Пушкина является хранительницей исторических знаний о былом величии и гибели Кочубея, а также любви Мотри и Мазепы. О древних дубах Диканьки сказал свое слово и Т. Шевченко, приветствуя разложение рабского прошлого.

А. Блок в годы революции 1917 года пытался объяснить Шевченковский взгляд: «Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью...» [2, с. 655]. Аллеи в данном контексте стали олицетворением барского высокомерия, господства, деспотии. Различные взгляды на образ аллеи – с одной стороны, как символ дворянской культуры, а с другой – как дворянского властолюбия – представляют в художественной литературе XIX – XX веков устойчивую дихотомию авторского начала.

В итоговой книге И. Бунина «Темные аллеи» (1937–1945) образ аллеи вообрал в себя разные, порой противоположные, мотивы, поэтому этот образ, уходя в прошлое, вместе с тем имеет глубокий подтекст и окрашивает повествование то лирической ностальгией, то трагическим пафосом. Один из первых критиков творчества И. Бунина В.Л. Львов-Рогачевский заметил амбивалентное отношение писателя к дворянскому прошлому: «Бунин не воспел дворянскую усадьбу, а отпел...» [9, с. 77].

Большинство липовых аллей в дворянских усадьбах (именно этому дереву отдавалось предпочтение знати) было посажено в конце XVIII – начале XIX века. Под их сенью выросли Александр Пушкин, Лев и Алексей Толстые, Иван Тургенев, Александр Блок, Владимир Набоков и другие. Они воспевали, романтизировали аллею, сделали ее местом тайных встреч, таинственным спутником влюбленности. А еще предметом дворянской гордости: «...за прудом сад с аллеями лип, этой красы и чести наших черноземных равнин...» (И. Тургенев). У А. Майкова аллеи – «спящие», у В. Набокова – «густые», у А. Толстого – «безмолвные», у К. Бальмонта – «заветные». Впервые «темными» аллеи назвал М. Лермонтов в известном стихотворении «Как часто пестрою толпою окруженный...»: «Вдали туманы над полями. В аллею темную вхожу я...» [7, с. 184]. Образ темной аллеи как сокровенное воспоминание об отроческих годах поэт противопоставляет маскараду светской жизни. Однако лейтмотив бунинской книги определило стихотворение Н. Огарева «Обыкновенная история» (1842).

Строки из этого стихотворения вплетены в структуру рассказа «Темные аллеи», делая его смысловым и композиционным центром одноименного цикла. Жизнь лирического героя и героини стихотворения так же, как и героев рассказа, изображена ретроспективно. Автор изображает в самом начале влюбленную пару на фоне темных аллей и цветущего шиповника, а затем – их равнодушие и удаленность. Единственным символом сохранения памяти чувств остаются темные аллеи – традиционный романтический образ русской литературы, который олицетворяет вечно повторяющуюся историю любви, со страстным началом и трагическим финалом.

Основополагающим художественным принципом И. Бунина является изображение реальности сквозь призму прошлого. Для него всегда были очень важны связи и отзвуки разных времен. Так и герои рассказа «Темные аллеи» вспоминают прошлое, оценивают себя теперешних, задумываются о возможном настоящем. У немолодых уже людей – барина Николая Алексеевича и его бывшей крепостной Надежды – все осталось в прошлом: и любовь, и страсть, и

муки расставания. Слова «обыкновенная история», вынесенные Н. Огаревым в название, в бунинской интерпретации становятся главным открытием и прозрением героя. Он предстает перед нами в «грязном, залепленном грязью тарантасе» на дороге, которая испещрена колеями, как линиями жизни на руке. Темные и грязные, они, на первый взгляд, не сочетаются с его благородной внешностью и военной выправкой. Контрастом осеннему ненастью выглядит «частная горница», где останавливается путник. Она предоставляет мимолетный, «почти домашний» уют, «где можно отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар». Ощущение тепла и опрятности усиливается в дальнейшем описании горницы, которая при всем уюте остается лишь временным убежищем, короткой остановкой в пути.

Узнавание героев происходит без авторских комментариев, в диалоге. Безучастные дежурные реплики резко сменяются взволнованными воспоминаниями, признаниями, укорами, порой не связанными между собой, ведь каждый говорящий сосредоточен на себе. Заслуживают особого внимания фразы, которые углубляют художественный контраст, обозначенный в описаниях героев и интерьерера. Как осенняя грязь соединяется с внешним лоском героя, так в его словах соседствуют обыденное и библейское: «История пошлая, обыкновенная. С годами все проходит. Как это сказано в книге Иова? “Как о воде протекшей будешь вспоминать”» [3, с. 253]. Сильное эмоциональное потрясение как будто бы обновляет и активизирует «культурную» память героя. В книге Иова заключен смысл, непосредственно связанный с жизненной ситуацией говорящего. Речь идет об искуплении греха, глубоком раскаянии того, кто совершил проступок: «Если ты управишь сердце твое и прострешь к Нему руки твои, и если есть порок в руке твоей, а ты удалишь его и не дашь беззаконию обитать в шатрах твоих, то поднимешь незапятнанное лицо твое и будешь тверд и не будешь бояться.

Тогда забудешь горе: как о воде протекшей, будешь вспоминать о нем.

И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро» [1, Ис 1:16-17]. Смысл слов Иова прямо противоположен трактовке Николая: не все проходит с годами, а забывается лишь тот грех, что искуплен истинным раскаянием.

Надежда тоже вспоминает цитату, но она не помнит ее источника: «И все стихи мне изволили читать про всякие “темные аллеи”» [3, с. 253]. Героиня спонтанно произносит поэтические строки Н. Огарева, запомнив их чисто эмоционально как ассоциацию со страстным романом – барина с крестьянкой-красавицей. Через годы горьких воспоминаний и обид она произносит строки стихотворения «с недоброй улыбкой». Вряд ли стихотворение звучало полностью во время их недолгой любви, ведь, поспешно уезжая от бывшей возлюбленной, герой вспоминает только несколько строк, да и те в несколько искаженном виде:

<p><i>Кругом шиповник алый цвел, Стояли темных лип аллеи.</i> И. Бунин [3, с. 255].</p>	<p><i>Вблизи шиповник алый цвел, Стояла темных лип аллея.</i> Н. Огарев [10, с. 213].</p>
---	---

Для героя рассказа стихотворение Н. Огарева гораздо значительнее, чем для героини. Поэтические образы процитированного стихотворения – темные аллеи, цветущий шиповник – связаны в его восприятии с дворянством, судьбой усадьбы и с его личной «обыкновенной историей». Однако общая идея стихотворения, заключенная в финале, осталась, как и библейская истина, за пределами воспоминаний героя. Это знание находится во всеведении повествователя, которым автор делится только с читателем:

*И пели песни – и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено,
И сколько было позабыто [10, с. 213].*

Ранее в диалоге героев прозвучал мотив памяти и забвения, моральную оценку которых дает не Николай, а ростовщица-хозяйка Надежда:

«– Помнишь, как на тебя все заглядывались?»

– Помню, сударь. Были и вы отменно хороши. И ведь это вам отдала я свою красоту, свою горячку. Как же можно такое забыть.

– А! Все проходит. Все забывается.

– Все проходит, да не все забывается...» [3, с. 254].

Мотивы забвения любви, ее поругание включаются в образ бунинской аллеи не как варианты традиционного образного ряда «аллея – любовь», а как новый образ: аллея – символ жизненной трагедии. Образ темноты из названия новеллы и всего сборника приобретает в этом контексте значение таинственности, закрытости от людских глаз и людского понимания любовных переживаний. Автор усложняет образ аллеи, добавляя к романтическому значению новые философско-психологические оттенки смысла.

Н.В. Павлович парадигмой называет образную вариативность, которая включает «как сам инвариант, так и множество образов, в которых он реализуется» [11, с. 48]. В знаковой единице образной парадигмы выделяются два элемента смысла: один общий, объединяющий парадигматический ряд, и один дифференциальный, выявляющий собственный, неповторимый характер данной единицы. Традиционный образный ряд русской классики – это «аллея, усадьба, любовь, прошлое». А И. Бунин расширяет парадигматический ряд: «аллея – чувственная память, греховность, жизненная трагедия». Это становится ярким показателем динамики индивидуального стиля И. Бунина, в котором сочетаются как традиции русской классики, так и стремление к обновлению устоявшихся образов, наполнение их новым смыслом.

Усадебная аллея становится местом действия, образом художественного пространства и в других новеллах цикла: «Зойка и Валерия», «Муза», «Натали», «Качели». В старинной еловой аллее происходят все главные события в жизни отдыхающих героев новеллы «Зойка и Валерия». Там встречаются, выясняют отношения, признаются в своих чувствах молоденькие барышни и влюбленный во всех сразу гимназист. В новелле «Натали» березовая аллея становится сви-

детелем мучительного раздвоения Витика Мещерского, который также оказался между чувственным влечением и душевным обожанием. По аллее как направленной величине от барского (дачного) дома ко всему миру – природному и городскому – движутся не столько сами герои, сколько их чувства, часто перепутанные, неясные, не поддающиеся логическим объяснениям.

Аллеи в произведениях И. Бунина потому и темные, что наполнены движением разнообразных чувств, эмоций, влечений, раздумий, поступков. По словам самого писателя, в своих рассказах он провел читателя темными аллеями любви мужчины и женщины в разных проявлениях и ипостасях, чаще всего в любви, счастья и смерти. «Все рассказы этой книги только о любви, о ее «темных» и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях», – писал Бунин в одном из своих писем. Авторская метафора «темные (мрачные, жестокие) аллеи любви» определяет образный и событийный ряд новелл цикла. Как справедливо отметила О.В. Сливичкая, «новелла заканчивается внезапно, до завершения фабулы, либо после исчерпанной фабулы следует фрагмент, с ней не связанный и отделимый от конца» [14, с. 91]. Позволим себе дополнить, что событийный ряд некоторых из новелл композиционно разворачивается за пределами фабулы, например, в первом, проанализированном нами рассказе, который является прологом ко всему сборнику. Образ аллеи в этой новелле сохраняет романтическую символику (дворянство, любовь) и конкретизируется новым смыслом (литературный антураж, закрытость, трагизм, смерть).

Возникший в недрах дворянской культуры XIX века образ аллеи в творчестве И. Бунина приобрел трагический и глубоко философский смысл. Следует отметить не только типологическую изменчивость образа, но и его эволюцию в творчестве писателя. Если в более ранних произведениях И. Бунина образ аллеи имел импрессионистичные черты (солнечный свет, запах антоновских яблок), то в «Темных аллеях» преобладают мрачные краски. Аллея превратилась в длинные и темные коридоры памяти, по которым писатель проходит сначала сам (автобиографический роман «Жизнь Арсеньева»), а потом проводит по ним своих героев (цикл «Темные аллеи»). Аллеи становятся символом памяти героев, а также катализатором их духовной и жизненной силы, своеобразным нравственным испытанием и поводом для раздумий о смысле бытия в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1992. – 1372 с.
2. Блок А. А. Поэзия, драмы, проза / А. А. Блок; [сост., прим. А. Туркова]. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 799 с.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин. – М. : Воскресенье, 2006–2007. – Т. 1. – 592 с.
4. Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа : утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. – М. : ОГИ, 2008. – 544 с.
5. Ершова Л. В. Мир русской усадьбы в художественной трактовке писателей первой волны русской эмиграции / Л. В. Ершова // Филологические науки. – 1998. – № 1. – С. 23–30.
6. Зайцева Н. В. Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1890-х – начала 1910-х годов : дис. ... канд. филол. наук / Надежда Владимировна Зайцева

ва. – Елец, 1999. – 165 с.

7. Лермонтов М. Собрание сочинений : в 2 т. / М. Лермонтов ; [сост и комм. И. С. Чистовой]. – М. : Правда, 1988. – Т. 1. – 491 с.

8. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX вв.) / Ю. М. Лотман. – СПб : Искусство-СПб, 1997. – 758 с.

9. Львов-Рогачевский В. Новейшая русская литература / В. Львов-Рогачевский. – М. : Мир, 1927. – 423 с.

10. Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы / Н. П. Огарев ; [вступит. статья, подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера]. – Л. : Сов. писатель, 1961. – 482 с.

11. Павлович Н. В. Язык образов : парадигмы образов в русском поэтическом языке / В. Н. Павлович. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Азбуковник, 2004. – 527 с.

12. Разина А. В. Роль усадьбы в формировании поэтики и эстетики Ив. Бунина / А. В. Разина // Русская усадьба : [сб. Общества изучения русской усадьбы ; науч. ред. М. В. Нащокина]. – М. : Жираф, 2003. – Вып. 7 (23). – С. 426–435.

13. Сафонов Е. Г. Образ усадьбы в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», его разгадка и воплощение / Е. Г. Сафонов // Русская усадьба : [сб. Общества изучения русской усадьбы ; науч. ред. М. В. Нащокина]. – М. : Жираф, 2003. – Вып. 7 (23). – С. 439–449.

14. Сливичкая О. В. Фабула-композиция-деталь Бунинской новеллы / О. В. Сливичкая // Бунинский сборник (материалы научной конференции, посвященной столетию И. А. Бунина) / [отв. ред. А. И. Гаврилов]. – Орел, 1974. – С. 90–103.

15. Roosevelt P. (1995). The Life in the Russian Country Estate : A Social and Cultural History / Priscilla Roosevelt. – Yale : University Press. – 520 p.

АЛЕКСЕЙ ОРЛОВ

ОБРАЗ АЛЛЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА БУНИНА

В статье анализируется образ аллеи в творчестве И. Бунина как составная часть образной парадигмы, связанной с усадебной культурой XIX ст. Особое внимание уделено рассказу «Темные аллеи», который является смысловым и композиционным центром одноименного цикла. Образ аллеи в творчестве И. Бунина вобрал в себя импрессионистические коннотации русской классики, а также приобрел глубоко трагический и философский смысл.

Ключевые слова: художественный образ, автор, повествователь, художественное пространство.

ALEXEY ORLOV

THE IMAGE OF ALLEY IN THE WORKS OF IVAN BUNIN

The article analyzes the image of alley in the works of Ivan Bunin as a variant of the imaginative paradigm of estate culture of the XIXth century. Separately analyzed the story «Dark Alleys», which becomes the semantic and compositional center of the same cycle. The image of the alley in the works of Ivan Bunin acquires a tragic and deeply philosophical meaning.

Key words: artistic image, author, narrator, artistic space.

Одержано 22.05.2014 р.